

Л о р и
С т о ф ф

ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ-СОЛДАТЫ
В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ
И РЕВОЛЮЦИЮ

Современная
западная русистика

История

«Современная западная русистика» /
«Contemporary Western Rusistika»

Лори Стофф

**Они сражались за Родину. Русские
женщины-солдаты в Первую
мировую войну и революцию**

«Библиороссика»

2006

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)53

Стофф Л.

Они сражались за Родину. Русские женщины-солдаты в Первую мировую войну и революцию / Л. Стофф — «Библиороссика», 2006 — («Современная западная русистика» / «Contemporary Western Rusistika»)

ISBN 978-5-907532-08-3

В своей книге исследовательница гендера и войны Лори Стофф подробно раскрывает роль женщин в трагический и динамичный период русской истории — во время Первой мировой и Гражданской войн. Что вынуждало крестьянок, работниц и потомственных дворянок разрушать традиционные представления о гендерных ролях и брать в руки оружие? В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)53

ISBN 978-5-907532-08-3

© Стофф Л., 2006
© Библиороссика, 2006

Содержание

Благодарности	6
Технические замечания	7
Введение	8
Женщины и война	11
Глава 1	16
Гендерные роли в российском обществе	17
Образ сильной женщины	21
Исторические прецеденты	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лори Стофф
Они сражались за Родину. Русские
женщины-солдаты в Первую
мировую войну и революцию

Laurie Stoff

They Fought for the Motherland

Russia's Women Soldiers in World War I and the Revolution

UNIVERSITY PRESS OF KANSAS

2006

Перевод с английского Александра Волкова

© Laurie Stoff, text, 2006

© University Press of Kansas, 2006

© А. Волков, перевод с английского, 2021

© Academic Studies Press, 2022

© Оформление и макет. ООО «Библиороссика», 2022

Благодарности

Принято считать, что научная работа требует уединения, однако в этом процессе часто не обойтись без помощи других людей. Я хочу выразить самую искреннюю благодарность тем, кто помогал мне на всех этапах исследования. Оно стало возможным благодаря финансированию из нескольких источников, в том числе гранту от Американского совета преподавателей русского языка и литературы и Американского совета в области обучения и изучения языков, стипендии от Департамента образования (отдел IV, иностранные языки), а также субсидий на поездки и исследования от департамента истории Канзасского университета. При работе над диссертацией, которая стала основой для этой книги, моим финансовым подспорьем служила стипендия аспирантуры по гуманитарным и естественным наукам Канзасского университета.

Неоценима помощь, которую мне оказали отдельные исследователи. В частности, я хочу поблагодарить моего научного руководителя Нормана Сола и других членов диссертационного комитета. Брюс Меннинг из Командно-штабного колледжа армии США поспособствовал моему доступу в необходимые российские военные архивы, а также оказал весомую поддержку и давал конструктивные советы в процессе работы. Мария Карлсон из Центра российских и восточноевропейских исследований Канзасского университета не только щедро делилась своими знаниями, но и поддерживала меня разнообразными способами. Карл Стрикверда снабжал меня ценными замечаниями и всегда помогал составить «общую картину». Анна Ценцяла также внесла много важных предложений. В России Владимир Позняков из Института всеобщей истории РАН посодействовал мне в получении доступа в московские архивы. Он и его супруга окружали меня заботой во время моих частых визитов в Россию. Валерий Михайлович Шабанов из Российского государственного военноисторического архива оказал мне огромное содействие в поиске сведений и материалов, а его терпение и готовность помочь казались безграничными. Предложения, внесенные Дениз Янгблад и Рейной Пеннингтон, помогли моей работе стать лучше. Также мне хотелось бы поблагодарить моих коллег из департамента истории Вермонтского университета, проявивших ко мне чрезвычайную доброту и профессиональную солидарность.

Также я хотела бы поблагодарить тех, кто поддерживал и ободрял меня в процессе исследования и работы над книгой. Большую помощь я получила со стороны Шоны Шоннинг, благодаря которой я имела возможность приезжать в Москву в любое время, когда это было необходимо. Моя семья, особенно родители, бабушки и дедушки, свекор и свекровь, также оказывали мне поддержку и содействие во время обучения в аспирантуре и работы над этой книгой. Я чрезвычайно благодарна Татьяне и Николаю Матусовым, Вадиму и Елене Звездовым и особенно Бенджамину и Веронике Франки, которые не только оказали мне неоценимую помощь, но также открыли мне свои сердца и дома в Москве и Калифорнии. Здесь не хватит места, чтобы перечислить всех людей, которые разделили со мной изнурительный опыт под названием «учеба в аспирантуре» и сделали этот процесс более гуманным, за что я им очень благодарна. И наконец, я хотела бы выразить бесконечную благодарность и любовь своему терпеливому, понимающему и заботливому супругу, Джону Беншотеру, который дарил мне безграничную поддержку, необходимую для того, чтобы довести этот замысел до конца, и, несмотря на мои собственные опасения и неуверенность, ни разу не усомнился в моих способностях.

Технические замечания

Имена приведены в наиболее полной форме, которую мне удалось найти, однако зачастую установить полное имя, название места, а также воинских частей попросту невозможно. Таким образом, если в тексте указаны только инициалы или имена без фамилий, значит, полные имена оказались недоступны. Используемые в тексте и примечаниях аббревиатуры, обозначающие российские государственные учреждения, а также собрания и хранилища документов, приведены в соответствии с их русскими сокращениями:

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

РНБ – Российская национальная библиотека

ГУГШ – Главное управление Генерального штаба

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского Флота

Сокращения русских слов в примечаниях:

д. – дело

ф. – фонд

л. – лист; лл. – листы

об. – оборот страницы

оп. – опись

Поскольку почти все события, описанные в этой книге, происходили до 1918 года, даты приводятся по юлианскому календарю (старому стилю), который использовался в России в то время и на тринадцать дней отставал от григорианского календаря, принятого на Западе. Различные фронты, упомянутые в тексте, составляют части того, что в западных странах именовалось Восточным фронтом, но в России подразделялось на Северный, Западный, Северо-Западный и Румынский фронты, простиравшиеся от Риги до Черного моря. Географические объекты упоминаются под названиями, принятыми в России в то время. Более известные места, находящиеся на территориях, которые принадлежали России, а теперь входят в состав Польши, Литвы, Беларуси и Украины, при первом упоминании сопровождаются приведенным в скобках их современным названием (если таковое имеется) – например, Ивангород (Демблин) или Вильна (Вильнюс).

Введение

Настоящая книга посвящена участию российских женщин в Первой мировой войне. Это первое масштабное исследование, которое подробно рассматривает эту проблему, и в нем мы постараемся ответить на ряд вопросов. Кем были эти женщины-солдаты и что побуждало их уйти на фронт? Как стало возможным, что столь значительное число женщин проникло в сугубо мужскую сферу деятельности, куда женщины традиционно не допускались? Насколько «исключительным» можно считать данное явление – как в сравнении с другими случаями женской гендерной трансгрессии, так и применительно к самобытности российского общества? Как повлияло участие женщин в боевых действиях на армию и общество в целом? Способствовало ли оно изменению традиционных гендерных ролей в России или других странах? Каким образом история этих женщин меняет наши представления о взаимоотношениях женщин и войны? И наконец, какие последствия имело участие русских женщин-солдат в Первой мировой войне? В нашем исследовании мы постараемся ответить на эти вопросы и определить роль этих женщин в контексте войны, революции и российского общества в целом в этот переломный момент времени.

В годы Первой мировой войны тысячи российских женщин надели военную форму и встали в ряды защитников Отечества. Конечно, женщины участвовали в войнах с самого начала мировой истории, однако здесь перед нами – исключительный случай. В 1914–1918 гг. число участниц боевых действий было значительно выше, чем в предыдущие эпохи или в армиях других государств того времени. К 1917 году количество женщин-солдат, по всей вероятности, превысило шесть тысяч, тем самым достигнув беспрецедентной отметки¹. Более того, Россия стала первой в новейшей военной истории страной, в которой женщины систематически принимались на службу в воинские подразделения, формировавшиеся по гендерному признаку. Создание в 1917 году особых женских воинских частей не имело аналогов.

Появление в России тысяч женщин-солдат в годы Первой мировой войны не было случайностью. Этот феномен стал возможен благодаря особым условиям, существовавшим в России. Для того чтобы понять, как так получилось, что российские женщины стали солдатами, крайне важно принять во внимание исторические прецеденты, социокультурные факторы и политические события и изменения, происходившие в то время в стране. Необходимо также учесть и давнюю традицию участия женщин в боевых действиях, имевшую место как в России, так и в других странах. Важно не забывать и о небоевой деятельности русских женщин, а также женщин в других воюющих странах. Однако следует различать женщин, выдававших себя за мужчин, чтобы сражаться в составе мужских воинских подразделений, и тех, которые, не скрывая свой пол, вступали в женские воинские формирования. По причине исторической беспрецедентности подобных подразделений основное внимание будет уделено именно им: и тем, которые создавались официально, под эгидой российского Военного министерства, и тем, которые формировались усилиями общественных женских организаций по всей стране.

Женские воинские подразделения возникли летом и осенью 1917 года; время и место их создания чрезвычайно показательны. В этот период – между Февральской и Октябрьской революциями – в России сложилось несколько важных условий, из-за которых стало возможно создание женских воинских формирований. Пожалуй, важнейшим из таких условий было затруднительное положение, в котором Россия оказалась в ходе войны, и необходимость приободрить уставшую от войны армию. Важную роль также сыграли политические

¹ Это число включает в себя более пяти тысяч женщин из личного состава женских воинских формирований, созданных в 1917 году, а также сотни отдельных женщин, служивших наравне с мужчинами в обычных воинских частях.

и социальные последствия Февральской революции – обстановка политической неразберихи и соперничества между партиями, неясности в отношении источников власти и яростных вызовов традиционному порядку. Многочисленные силы и интересы (в том числе и многие женские организации), которые ранее подавлялись самодержавным правительством, теперь получили возможность публично заявлять о своих требованиях. Эти факторы сделали возможным нарушение гендерного контракта, а именно участие женщин в войне. Историк Брайан Крим отмечает: «Уровень вовлеченности женщин в боевые действия напрямую зависит от степени политической анархии и общественного упадка. В подобные периоды женщины получают больше свобод и выше ценятся как социальные партнеры» [Crim 2000:19]. Таким образом, женщин-солдат следует рассматривать в политическом и социальном контексте войны и революции, и исследование женских воинских формирований позволит дополнить картину бурных событий, происходивших в России в 1917 году.

Женщины-солдаты также сыграли важную роль в женском движении начала XX века и, разумеется, должны рассматриваться в его контексте. Участницы боевых действий доказали собственную способность активно и успешно участвовать в общественной жизни и защищать государство, тем самым они послужили примером для тех, кто ратовал за расширение прав своего пола. Многие из женщин, причастных к организации боевых подразделений, одновременно старались расширить репертуар социальных ролей женщин в целом. Прогрессивные женщины за пределами России также рассчитывали, что женщины-бойцы поспособствуют их собственной борьбе за равенство и права. Однако некоторые активистки женского движения, даже самые прогрессивные, не смогли принять столь агрессивное и деструктивное поведение представительниц своего пола. Женские гендерные роли в тот период по-прежнему связывались с заботой и созиданием, тогда как на мужскую жестокость и агрессию возлагалась вина за многие мировые проблемы. В результате к женщинам-военным в обществе сложилось двойственное отношение: отторжение, смешанное с искренним энтузиазмом...

Данная работа также стремится раскрыть важные аспекты патриотизма и гражданственности. Создание женских воинских подразделений в 1917 году явилось смелым социальным экспериментом, предпринятым главным образом в пропагандистских целях. Женщин привлекали к военной службе не по причине их высоких боевых качеств, но скорее в мотивационных целях. Они должны были вдохновлять и поднимать боевой дух уставших от войны солдат-мужчин и одновременно пристыдить и побудить их к выполнению «патриотического долга» как защитников Отечества. Женщины, вступавшие в женские военные подразделения, а также их лояльные к правительству сторонники, были глубоко заинтересованы в повышении уровня гражданского самосознания, по крайней мере в виде выполнения оборонных функций, среди полчищ измученных войной солдат-крестьян. Для этого мужская роль защитника возлагалась на женщин, и тем самым бросался явный вызов традиционным гендерным представлениям о патриотизме и гражданственности. Последствия подобного подхода оказывались в лучшем случае неоднозначными.

Женщины продолжали участвовать в военных действиях и после выхода России из Первой мировой. Большевики распустили женские воинские части, организованные под эгидой Временного правительства, однако участие женщин на стороне красных вновь стало приветствоваться в период Гражданской войны. Участниц боев восхваляли как «героев» революции, и, согласно официальной риторике нового режима, они были в большом почете. Женщины-солдаты также присутствовали в рядах белых армий, хотя число их было невелико и многие из них выдавали себя за мужчин. Во время Второй мировой войны женщин вновь стали привлекать к выполнению боевых задач. Однако, несмотря на столь долгую историю участия в военных действиях, женщины так и не были интегрированы в советские вооруженные силы. Благодаря женщинам-военным Первой мировой войны был создан прецедент. Отныне непосредственное участие женщин на фронте в качестве солдат рассматривалось как возможное в

крайней необходимости, но не признавалось постоянной общественной практикой: в критические периоды женщинам позволяется выполнять функции, идущие вразрез с их традиционной гендерной ролью, однако по окончании кризиса традиционные роли мужчин и женщин восстанавливаются в рамках «возвращения к нормальной жизни», следующего за тяготами войны.

Эта работа призвана восполнить лакуну в изучении России времен Первой мировой войны и революций. Несмотря на свои впечатляющие достижения на фронте, русские женщины-солдаты оказались почти забыты. Из позднейшей историографии они выпали по целому ряду причин – прежде всего потому, что после потрясений 1917 года оказались на стороне проигравших. Женские воинские части, созданные Временным правительством, ассоциировались с «буржуазными» элементами, искоренением которых решительно занялись большевики после захвата власти. В результате женщин-солдат осмеивали и очерняли, но чаще задвигали на задний план или вовсе игнорировали – как в советской историографии, так и в народной памяти. Западные исследователи также не сумели вписать их в картину Первой мировой войны и революционных событий в России. Однако эти участницы военных действий важны, и их истории необходимо рассказать, если мы хотим составить более полное представление о Первой мировой войне, русской революции, гендерных ролях и положении женщин как в России, так и за ее пределами. Они важны и с социологической точки зрения, поскольку их пример демонстрирует, что женщины способны выполнять боевые задачи в условиях современных войн, и вместе с тем высвечивает множество проблем, связанных с привлечением их к такой деятельности.

Хотя в позднейших исторических документах о Первой мировой войне женщины-солдаты почти не фигурируют, во время самой войны была предпринята сознательная попытка включить их в героический нарратив – чрезвычайно нетипичное явление при создании военного мифа. Со стороны современников русские женщины-солдаты пользовались пристальным вниманием. Очевидцы охотно выказывали восхищение ими, и этот живой интерес отражают книги и статьи того периода. Журналисты быстро осознали новостной потенциал этого феномена; подвиги женщин-солдат широко освещались в печати от Петрограда до Нью-Йорка. В сущности, они на некоторое время стали «медийными звездами» во всей Европе и США. Хотя их поведение шло вразрез с традиционными гендерными представлениями, тем самым угрожая традиционной гендерной системе, их часто хвалили за патриотизм и самопожертвование. Но у них находились и противники. Многие критиковали женщин-военных, видя в их действиях угрозу общественному укладу. Подобные реакции не менее важны для понимания феномена женщин-солдат. В данном исследовании подробно рассматривается общественное восприятие женщин – участниц боевых действий и предпринимается попытка лучше осознать влияние, которое они могли оказать на гендерные роли начала XX века.

Женщины и война

Осмысление участия женщин в боевых действиях в ходе Первой мировой войны в России также важно в рамках общего стремления включить опыт женщин в историографию войны и понимания взаимоотношений между женщинами и войной. Настоящая работа призвана определить место женщин-солдат в событиях Первой мировой войны и вносит вклад в осмысление последствий войны для женщин и того, какие общественные изменения (если таковые имели место) были обусловлены опытом участия женщин в войне. Война и боевые действия традиционно были уделом мужчин, и женщины в эту сферу целенаправленно не допускались. Литературный критик Нэнси Хьюстон отмечает, что «определяющей характеристикой войны является ее маскулинность» (цит. по: [Dargow 1996: 81]). Это не означает, что общество совершенно исключает женщин из процесса войны. Война всегда затрагивала женщин, а их деятельность всегда отражалась на войне. В сущности, в военное время женщины принимали в общественной жизни гораздо большее участие, нежели в мирное. Это особенно справедливо применительно к современным массовым военным действиям, когда мобилизация гражданского населения столь же важна, как и мобилизация в вооруженные силы. Тем не менее исторически сложилось так, что роль женщин в военных конфликтах ограничивалась моральной поддержкой в тылу и заботой о больных и раненых, в противоположность активному участию мужчин в боевых действиях на фронте. Женщина, обладающая боевыми навыками, противоречит этой якобы «естественной» роли и ставит под сомнение мужскую концепцию войны как таковую.

Впрочем, в действительности эти концепции ни в коей мере не являются универсальными и неколебимыми; не все мужчины и женщины точно вписываются в заданные категории. Война зачастую бросает прямой вызов традиционному гендерному сознанию. Альфред Мейер отмечает:

Война нередко выявляет несостоятельность стереотипов. Многие мужчины чувствительны, несклонны к насилию, жестокости и убийствам, а многие женщины обладают всеми чертами энергичного деятеля, способного управленца или даже воина. Боевые потрясения могут выявить в мужчинах чувствительность и отвращение к войне и одновременно создать для женщин возможности проявить себя в качестве бойцов [Meyer 1991: 208–209].

Таким образом, участие женщин в войне затрагивает ряд вопросов, являющихся критически важными для понимания социализации и гендерных ролей. Оно заставляет усомниться в преимущественно маскулинной природе войны и одновременно бросает вызов общепринятым представлениям о женских социальных ролях. Историк Линда Грант Де Поу утверждает, что «война представляет собой сильнейшее культурное вмешательство, служащее для определения гендера» [Grant De Pauw 1998: 15]. Во многих смыслах отношение женщин к войне сложнее, чем у мужчин. Мужские роли в войне четко устанавливаются общепринятым гендерным разделением, в соответствии с которым на мужчин возлагается функция защитников. Женские роли во время войны, хотя и традиционно определяются как пассивные, однако в действительности оказываются более зыбкими и разнообразными, принимая формы, выходящие за рамки общепринятых социальных ограничений. Это утверждение особенно применимо к участию женщин в боевых действиях. Согласно историку Николь Энн Домбровски, «участие женщин в боевых действиях не только вносит изменения в них и их структуру, но одновременно изменяет и самих женщин» [Dombrowski 1999: 3]. Традиционное представление о женственности связывается с деятельностью, направленной на созидание и заботу. Война, полная насилия, разрушений и смерти, выглядит абсолютной антитезой этим формам деятельности; поэтому женщина, принимающая в ней участие, резко противоречит своим так называемым естественным

обязанностям. Женщина, участвующая в боевых действиях, оспаривает принятые в обществе женские роли и бросает вызов пониманию войны как сугубо мужской сферы. Вследствие этого мужчинам трудно смириться с нахождением женщин на военной службе [Summerfield 1997: 3].

Первая мировая война не является исключением. Некоторые исследователи, в частности, Джордж Мосс, утверждают, что «когда поколение 1914 года с началом войны ринулось под боевые знамена, им руководили различные мотивы, но всех без исключения пронизывало преклонение перед маскулинностью» [Mosse 1985: 115]. Идея о том, что война ведется ради спасения «дома и очага», а значит, для защиты женщин и детей, широко использовалась в пропаганде стран-противников, чтобы побудить мужчин к борьбе [Grayzel 2002: 12].

В то же время в войну были вовлечены миллионы женщин, и их участие не было связано с ведением домашнего хозяйства. Несмотря на многочисленные споры среди исследователей о том, каким образом Первая мировая война повлияла на жизнь женщин и их гендерные роли, консенсуса по этому вопросу достичь не удалось. Некоторые утверждают, что война оказала на женщин эмансипирующее воздействие, и в доказательство приводят значительное увеличение занятости женщин на рынке труда и обеспечение избирательного права для них в некоторых воюющих странах. Другие полагают, что война радикальным образом изменила взаимоотношения полов и перестроила представления о «женственности» и «мужественности». Третьи возражают, что война не оказала на женщин существенного положительного воздействия; несмотря на новые возможности, они по-прежнему зарабатывали меньше, чем мужчины, а кроме того, предполагалось, что после заключения мира они вернуться к своим обычным обязанностям.

Несмотря на все эти противоречия, совершенно очевидно, что Первая мировая война значительно повлияла на жизнь женщин – как прямо, так и косвенно. В России, как отмечает историк Барбара Альперн Энгель, война «размыла гендерные границы и подорвала традиционное общество... поскольку впервые вовлекла в общественную жизнь сотни тысяч, если не миллионы, женщин» [Engel 1991: 144]. Наибольшие изменения произошли в экономической сфере. Некоторое возрастание рабочей активности женщин наблюдалось и до 1914 года, однако война способствовала значительному увеличению доли женщин в трудовых ресурсах. Миллионы работоспособных мужчин отправились на поля сражений, что создало серьезную нехватку рабочей силы. В итоге воюющие страны были вынуждены привлекать большое количество женщин для обеспечения военных нужд. Более того, сам характер их участия разительно отличался от их предшествующего опыта: женщины начали работать в областях, которые при обычных обстоятельствах считались бы для них неподходящими. Миллионы женщин работали в отраслях промышленности, производивших предметы, необходимые как для войны, так и для гражданской жизни. Другие заменяли мужчин на важных общественных должностях.

Без привлечения женщин к трудовой деятельности воюющие страны страдали бы от опустошительной нехватки рабочих рук и простоя в производстве и, несомненно, оказались бы неспособны продолжать войну. Но, за исключением незначительных завоеваний в плане независимости, женщины не особо выиграли от использования их в качестве рабочей силы в военное время. Они по-прежнему зарабатывали значительно меньше, чем мужчины, выполнявшие аналогичную работу. Некоторые страны отменили законодательство, направленное на защиту женщин (и детей) от сверхурочной работы и опасных условий труда. После войны мужчины, вернувшиеся с полей сражений, вытеснили многих женщин, привлеченных к работе на время боевых действий. Во многих случаях рынок труда быстро восстановил гендерное разделение трудовых обязанностей [Grayzel 2002: 106–109].

Относительно политических и гражданских прав и равенства некоторые историки, например, Артур Марвик, утверждают, что женщины эффективно доказали свою ценность для общества и благодаря своему вкладу в экономическое обеспечение войны ослабили дальнейшее противодействие введению избирательного права для женщин [Marwick 1965: 93 et

passim]. В 1917 году право голоса получили российские женщины, в 1918 году – британские старше тридцати лет. Нет сомнений, что многие прогрессивные женщины принимали участие и поддерживали любое участие женщин в работе, связанной с войной, видя ее как средство для расширения прав и возможностей. Однако весьма вероятно, что большинство стран в любом случае предоставили бы женщинам избирательное и другие права. В Британии суфражистское движение давно боролось за права женщин, и это, несомненно, дало больший импульс принятию закона об избирательном праве, нежели четыре года войны. В других странах – например, во Франции – женщины, несмотря на свой вклад в военное дело, получили право голоса значительно позже. В России, где женщины также долго и упорно добивались возможности участвовать в голосовании; избирательное право для женщин (равно как и всеобщее избирательное право для мужчин) и другие эмансипационные законы прежде всего явились результатом идеологической поддержки вопроса прав женщин со стороны Временного правительства, сформированного после падения царизма в 1917 году. Тем не менее участие женщин в боевых действиях не могло не повлиять на распределение политических прав.

Демографические изменения в воюющих странах, вызванные отсутствием большого количества мужчин, привели к опасениям, что во время и после войны пошатнутся традиционные гендерные роли. В Великобритании многие полагали, что Великая война коренным образом изменит взаимоотношения полов. Некоторые мужчины сетовали, что экономика военного времени привела к превосходству женщин над мужчинами. Другие критиковали чрезмерное, по их мнению, влияние школьных учительниц и беспокоились, что они подрывают «мужественность» посредством контроля над физическим развитием мальчиков [Bourke 1996:1 et passim]. Вмешательство женщин в военные дела не вызывало широкого одобрения; одной из реакций было стремление защитить прерогативу мужчин в военной сфере. Во Франции прикладывались огромные усилия для того, чтобы обеспечить строгое разделение между женщинами и всем, что было связано с войной. С точки зрения многих французов, Первая мировая война давала Франции возможность восстановить свою маскулинность, пострадавшую от поражения во Франко-прусской войне. Историк Маргарет Дарроу пишет: «В чем вообще смысл войны, если военный опыт женщин наносит ущерб военному опыту мужчин?» [Darrow 1996: 81]. В результате участие женщин в войне часто воспринималось с подозрением и вызывало обвинения в том, что из-за него война теряет маскулинный характер.

Хотя нет единого мнения о том, насколько значительное воздействие оказала война на жизнь женщин в долгосрочной перспективе, непосредственно во время конфликта она существенно изменилась. Историк Пенни Саммерфилд утверждает, что привлечение женщин к работе, связанной с войной, в том числе к различным «мужским» сферам деятельности, не только повлекло за собой изменения в восприятии гендерных ролей, но и размыло «визуальные границы между мужественностью и женственностью», поскольку женщины «сняли юбки и надели штаны» [Summerfield 1997: 3].

В последние несколько десятилетий исследователи начали восполнять недостаток внимания к женщинам на войне, характерный для более ранних работ. И военные, и социальные историки инициировали серьезные и резонансные дискуссии об этой проблеме. Исследователи, изучающие роль женщин в военной истории, достигли больших успехов, заложив новые принципы как в исторических дисциплинах, так и в публичном дискурсе. Была проделана значительная работа по включению опыта женщин в историю войн. Настоящее исследование ставит своей задачей, опираясь на существующие научные построения, вписать новую страницу посредством изучения истории российских женщин-солдат времен Первой мировой войны – в частности, заполнить пробел в исследованиях, посвященных России во время войны и революции и взаимоотношениям между женщинами и войной, путем глубокого изучения историй этих женщин-солдат, изложения их опыта и анализа последствий их жизней и действий.

Эта книга выстроена тематически и поэтому не всегда придерживается линейной хронологии, но в основном следует от начала Первой мировой войны в 1914 году до выхода России из войны в 1918 году. Первая глава описывает некоторые аспекты русской истории, культуры и общества, которые, возможно, способствовали тому, что, несмотря на строгий патриархальный уклад русского общества начала XX века, женщины становились солдатами, пусть даже временно. В ней исследуются гендерные роли, присутствие в русской культуре «сильного женского мотива» и ряд прецедентов из различных периодов российской истории, когда женщины состояли на военной службе.

Вторая глава начинается с обзора участия женщин в Первой мировой войне в различных качествах. Далее основное внимание уделяется женщинам, которые вступали в русскую армию по отдельности или небольшими группами еще до создания женских воинских формирований в 1917 году. В главе описываются способы, к которым они прибегали, чтобы вступить в мужские воинские подразделения, мотивы, побуждавшие их уходить на войну, их попытки ассимилироваться в мужском мире боевых действий и деятельность в составе вооруженных сил.

В третьей главе представлена история появления женских батальонов, дано описание ситуации, сложившейся в результате Февральской революции, и попыток Временного правительства заручиться поддержкой как можно большего числа граждан и создать армию из добровольцев, а также освещена роль женщин и женских организаций в обеспечении более активного вовлечения представительниц их пола в военно-экономическую деятельность. Далее в этой главе рассматривается создание первого женского воинского подразделения – Первого женского «батальона смерти» под командованием Марии Бочкаревой – и дается характеристика женщинам, входившим в его состав.

В четвертой главе подробно исследуется женское военное движение, выступавшее за формирование вспомогательных женских воинских частей. Рассматривается создание подобных воинских частей как в результате инициативы на местах, так и под эгидой Военного министерства. Описываются меры, предпринятые для того, чтобы сформировать, экипировать, обеспечить провиантом, обучить и задействовать в боях эти подразделения, а также многочисленные проблемы, возникавшие в процессе. Далее прослеживаются попытки военных властей удовлетворить многочисленные запросы на расширение участия женщин в войне и одновременно поставить частную инициативу под свой прямой контроль. Также в этой главе подробно рассматривается фронтовой опыт 1-го женского «батальона смерти» под командованием Бочкаревой, в том числе его боевое крещение, послужившее своего рода «лакмусовой бумажкой» для использования женщин на полях сражений.

В пятой главе анализируются женские воинские части, официально созданные летом 1917 года. Описывается их формирование, попытки должным образом экипировать, обеспечить провиантом и обучить их, а также многочисленные препятствия, возникавшие на пути к этим целям. Кроме того, в главе более детально рассматривается, сколько женщин числилось в этих подразделениях, их социальное происхождение и уровень образования и т. д.

В шестой главе прослеживается зарождение и дальнейшее развитие женского военного движения, а также попытки расширить его в порядке частных инициатив. Вместе с тем в главе показывается, какие действия предпринимали военные власти, чтобы обеспечить контроль над деятельностью этого движения и перевести все женские воинские формирования под свою эгиду. Когда это не удалось, правительство попыталось придать этому движению иную направленность (переориентировав с боевых действий на вспомогательные службы), а также ограничить и в итоге резко ослабить движение. Также в главе описывается участие женщин-солдат в защите Зимнего дворца во время большевистской революции в октябре 1917 года и опровергаются многочисленные слухи и дезинформация касательно этого неоднозначного события.

В седьмой главе путем рассмотрения многочисленных журнальных и газетных статей, а также личных записей анализируется отношение современников к женщинам-солдатам, как

вступавшим в армию в индивидуальном порядке, так и служившим в женских подразделениях. В ней рассматриваются различные мнения и позиции – зарубежные и отечественные, мужские и женские, военные и гражданские – и предлагаются выводы об общественной реакции на российских женщин-солдат.

В восьмой главе делаются важные выводы о значении женского военного движения для России и месте женщин на войне в целом. В ней анализируется, каким именно образом и для чего использовались женские воинские формирования, а также обсуждается наследие этого феномена.

Глава 1

Российский контекст

Изучая участие женщин в боевых действиях, мы должны учитывать особенности общества, из которого они происходят, поскольку женщины-солдаты Первой мировой войны не существовали в вакууме. Определенные аспекты развития российского общества повлияли на обстановку, благодаря которой, вероятно, именно в этой стране у женщин появилась возможность поступить на воинскую службу, тогда как в других государствах подобное не допускалось. В данной главе мы рассмотрим социальные конструкты, гендерные модели, взаимоотношения полов, структуру семьи и исторические прецеденты, что поможет нам лучше понять феномен женщин-солдат в России во время Первой мировой войны.

Гендерные роли в российском обществе

На протяжении почти всей своей истории российские социальные и политические структуры были в высшей степени патриархальными и иерархичными. Столь же патриархальной и иерархичной была и русская семья – в сущности, русское государство заимствовало ее модель, в которой милостивый, но авторитарный отец доминирует над покорными женщинами и детьми. Царь представлял собой ту же фигуру доброго отца, перенесенную в политическую сферу, – его власть была строгой и абсолютной, но при этом он всегда заботился об интересах своего народа [Engel 1991: 136]. Женщины подчинялись мужчинам – это был, по определению историков, «императив, основанный на представлении о женской природе и применявшийся ко всем женщинам вне зависимости от общественного положения» [Ibid: 3]. Патриархат был ключевой чертой русского общества с момента принятия христианства в X веке. Государство и Церковь всячески старались подчинить женщину мужскому авторитету и закрепляли за ней статус зависимого субъекта [Worobec 1991: 19].

Женщины, как правило, не допускались к участию в общественной жизни и низводились до сферы домашнего хозяйства, хотя случались и исключения, когда женщины, принадлежавшие к высшим классам и царской фамилии, играли видную роль в политике и обществе. Некоторым крестьянским женщинам разрешалось представлять свои домохозяйства на сельских сходах, но только в случае, если для этого не находилось подходящих взрослых мужчин. Замужние женщины не имели правового статуса независимо от своих мужей; у них даже не было паспортов (документы, удостоверяющие личность, требовались для передвижения по стране и за ее пределами). Юридически они не имели права жить отдельно от своих мужей, хотя незамужние женщины начиная с двадцати одного года могли селиться обособленно. Также по закону они были обязаны подчиняться мужьям и беспрекословно повиноваться их авторитету. В сущности, жизнь русской женщины почти всецело зависла от доминирующего мужчины; до брака это был отец, затем супруг. Даже когда во второй половине XIX века у женщин начали появляться возможности получать образование, посещение женщиной школы зависело от воли мужчины. Чтобы спастись от властных и деспотичных отцов, в конце XIX века молодые женщины часто вступали в фиктивные браки с сочувствовавшими им молодыми людьми, которые позволяли им самостоятельно распоряжаться своим паспортом и судьбой [Stites 1978: 17].

Как и в других европейских обществах, в дореволюционной России гендерные роли основывались на четко определенных моделях поведения и разделении труда по половому признаку. У мужчин и женщин были свои особые задачи, обязанности и сферы деятельности, которые пересекались редко или не пересекались вообще. Жизнь женщины вращалась вокруг замужества, рождения детей и домашних обязанностей. Однако социальный статус также имел большое значение в определении мужских и женских ролей и играл определяющую роль в поведении и деятельности русских женщин. Хотя патриархат и мужское доминирование неизменно господствовали во всех сословиях, жизнь русской дворянки была совершенно иной, чем у крестьянки или женщины из рабочего класса [McDermaid, Hillyar 1998: 11]. До революции в российских дворянских семьях мужчина – глава семьи обладал незыблемым авторитетом, и существовало строгое гендерное разделение сфер деятельности и полномочий. Образ жизни девушек и женщин из высшего сословия определялся формами деятельности, которые считались приемлемыми для женщин. До вступления в брак большинство девушек обитали в родительском доме и воспитывались преимущественно матерями, которые готовили их к жизни, сводившейся к домашним заботам и всецело зависевшей от мужчин. Молодые дворянки жили в мире, где над ними доминировали другие женщины, а мальчики с возраста приблизительно семи лет попадали под сугубо мужской контроль [Tovrov 1978: 17]. Соответственно, женские занятия ограничивались исключительно частной сферой – домом и семьей. Без покровитель-

ства со стороны мужчин им не позволялось вторгаться в публичную сферу. Они должны были следить, чтобы их мужья и дети были накормлены и одеты, и заботиться о ведении домашнего хозяйства. На практике женщины из высших классов играли существенную роль в управлении поместьями, особенно при отсутствии мужей [Worobec 1991: 24]. Начиная с середины XIX века русские женщины начали участвовать в делах за пределами дома, но это участие ограничивалось в основном благотворительностью, начальным образованием, сестринским делом и акушерством. Но даже такая ограниченная и сугубо «женская» деятельность не приветствовалась теми, кто полагал, что женщины не должны ни в каком качестве проявлять себя в публичной сфере [Engel 1991: 135–136].

Русское крестьянское хозяйство сходным образом скреплялось авторитетом доминантной мужской фигуры (так называемого *большака*). Главой семейства обычно был отец, дед или старший сын, но иногда, при отсутствии подходящих взрослых мужчин, эту роль брали на себя вдовы. Существовала аналогичная вертикаль власти, идущая от доминантной женщины (обычно жены *большака*) ко всем другим женщинам семейства. Но в крестьянстве и рабочем классе женские роли были иными, нежели в дворянстве и буржуазии. В низших социальных слоях женщины обычно привлекались к тяжелому физическому труду, как в доме, так и вне его. Они работали в полях, на фабриках, прислугой у высших классов, часто за деньги. Однако участие женщин в изнурительном ручном труде, даже если мужчины и женщины работали бок о бок, не свидетельствовало о гендерном равенстве среди русского рабочего класса и крестьянства. Подобное распределение трудовых обязанностей не было присуще исключительно России; в преимущественно крестьянских обществах большинства восточноевропейских стран женщины также выполняли тяжелую физическую работу. Более того, существовало четкое гендерное разделение труда. В русском обществе мужской труд оценивался выше, чем женский, как в социальном, так и в материальном отношении. Некоторые профессии и даже целые отрасли промышленности предназначались исключительно для мужчин (обычно это была более квалифицированная и лучше оплачиваемая работа). Другие занятия (в основном профессии, не требующие высокой квалификации и низкооплачиваемые) рассматривались как сугубо женские. Как и в высших классах, мужчины и женщины, в общем, не вторгались в сферы друг друга. И хотя для женщин было приемлемо – а по существу необходимо – работать за пределами дома, на них также возлагались заботы о хозяйстве. Домашние дела считались сугубо женской прерогативой. Женщина несла исключительную ответственность за выращивание овощей и фруктов на придомовом участке, за приготовление и хранение пищи, за уборку, заботу о скоте, пополнение запаса дров и воды, обработку льна и шерсти, пошив и починку одежды. Таким образом, крестьянки и представительницы рабочего класса, трудившиеся вне дома ради дополнительных заработков, несли двойное бремя, работая в полях, на фабриках или в цехах и выполняя обязанности по хозяйству [Matossian 1994: 7–33].

Впрочем, патриархат в России не был абсолютным и допускал некоторые ограниченные свободы и возможности для женщин. «Русские женщины могли примириться с патриархатом, достигнув наибольших возможностей в пределах предназначенных для них ролей», – утверждает историк Кристин Воробец [Worobec 1991: 20]. Женщины обладали полным контролем над всем, что связано с деторождением, и играли ключевую роль в устройстве браков своих детей. Русские юридические традиции издавна гарантировали женщинам определенные права собственности. Недвижимое имущество жены считалось отдельным от собственности ее мужа, и она могла располагать им по своему усмотрению, без вмешательства со стороны мужчин. Западные женщины не пользовались таким правом вплоть до XX века [Pushkareva 1997: 233].

Были и другие исключения из строгих правил, регулировавших гендерные роли и сферы деятельности мужчин и женщин в России. В ее истории издревле встречались выдающиеся женщины, чьи действия явно выходили за границы общественных соглашений, определявших женское поведение. Подобные примеры встречаются в истории начиная с первой христианской

княгини Киевской Руси, Ольги. После смерти своего супруга Игоря в 945 году княгиня Ольга начала править в качестве регента при малолетнем сыне Святославе. Во время своего правления она вела борьбу с многочисленными внешними врагами и организовала оборону Киева от вторжения степных кочевников. В XV веке в Новгороде, в последнее десятилетие его независимости от Москвы, вдова посадника Марфа Борецкая предпринимала военные походы для расширения территориальных владений города. Возглавив сопротивление Новгорода Москве, она потерпела поражение. Марфа Борецкая была не единственным подобным примером. Историк Наталья Пушкарева указывает:

Марфа Борецкая была не единственной новгородкой, «выказавшей мужскую силу», как описывают сильных женщин средневековые источники. Новгородские хроники полны имен боевых женщин, как то боярыня Анастасия Григорьева, принимавшая участие в различных восстаниях и «сговорах», которыми полна история политическая история города [Там же: 23].

Старшая единокровная сестра Петра Великого, Софья, правившая в качестве регента во время его малолетства, была очень сильной личностью, известной своими «мужскими качествами» – политической ловкостью и стратегическим мышлением.

Петровские реформы существенно поспособствовали выдвижению на первый план выдающихся женщин в имперский период. За Петром I на российском престоле до конца XVIII века сменилось несколько женщин: императрицы Екатерина I, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Екатерина II. Последняя проявила себя как один из крупнейших политических лидеров XVIII века. Была она и способным военачальником (хотя и не принимала непосредственного участия в военных кампаниях). В сущности, XVIII век был эпохой женского господства в самодержавии. Ближайшая подруга императрицы, княгиня Екатерина Дашкова, также обладала значительной властью и влиянием, будучи первой женщиной – президентом Российской академии наук.

Многие другие женщины, равно как и некоторые мужчины, отказывались мириться с ограничениями, установленными для женщин в патриархальном русском обществе. В XIX веке в России набрало силу движение за увеличение свобод и возможностей для женщин и равноправие полов. В 1850-е годы «женский вопрос», уже повсюду обсуждавшийся в Западной Европе, проник и в Россию, и многие – как женщины, так и мужчины – начали рассматривать возможности, чтобы улучшить положение женщин [Stites 1969: 178–179]. Сторонники подобных идей выступали за расширение доступа женщин к высшему образованию и их профессиональных возможностей и за следующие несколько десятилетий достигли значительных успехов в этой области. Многие женщины смогли выезжать за границу и изучать науки, ранее недоступные для них. К концу века профессиональные курсы и высшее образование для женщин стало возможным в самой России. Россия одной из первых дала миру женщин-врачей, естествоиспытателей, математиков и других выдающихся ученых и профессионалов. С повышением уровня образования возросло и нежелание подчиняться существовавшим ограничениям.

Женщины в России также становились видными представительницами радикальной интеллигенции и революционного движения и даже занимали руководящие позиции. Они стремились не только улучшить обстановку в России путем радикальной и революционной политической деятельности, но и создать условия для равенства полов. Многие участвовали в совершенно неженских, агрессивных и жестоких действиях, связанных с терроризмом, которым сопровождалось революционное движение в конце XIX века. Народница и марксистка Вера Засулич выстрелила в петербургского градоначальника после того, как тот незаконно приказал высечь розгами одного из политических заключенных. Софья Перовская, возглав-

лявшая революционную организацию «Народная воля», непосредственно участвовала в убийстве царя Александра II в 1881 году.

Значительные экономические и социальные перемены, происходившие в России в конце XIX и начале XX века, оказали воздействие и на патриархат. В частности, индустриализация и урбанизация привнесли изменения в традиционную крестьянскую жизнь, структуру семьи, занятия и поведение женщин. Накануне Первой мировой войны Россия заметно страдала от того, что историк Карен Петрон определяет как «кризис патриархального авторитета» [Petrone 1998:95]. В России индустриальное развитие началось с временной, или сезонной, миграции мужчин в города для работы на промышленных предприятиях. Там мужчины находили новые возможности заработка, дававшие им существенную независимость от семьи. Это, наряду с сельскохозяйственными реформами начала XX века, побуждавшими крестьян покидать сельскую общину и основывать независимые домохозяйства, приводило к тому, что многие молодые крестьяне выходили из-под родительского контроля. Когда младшие в семье мужчины бросали вызов отцовскому авторитету, они часто встречали поддержку со стороны своих жен, также желавших освободиться от власти родственников со стороны мужа, ставившей их на низшую ступень семейной иерархии. Кроме того, пока мужчины отсутствовали в деревнях, на женщин возлагалась ответственность за сельскохозяйственное производство. С увеличением рабочей нагрузки у женщин появлялась возможность повысить свой авторитет.

Женщины также начали чаще перебираться в города для работы на фабрике. Некоторые находили средства для достижения финансовой независимости (хотя одновременно лишались покровительства со стороны патриархального семейства) и могли заниматься деятельностью, недоступной для них ранее [Engel 1994]. Более того, возрастающая политизация рабочего класса затронула и женщин-рабочих. Несмотря на неоднозначное и даже враждебное отношение со стороны мужчин-рабочих, женщины все чаще принимали участие в рабочем движении, набиравшем силу в России конца XIX – начала XX века [Glickman 1977:63–82]. Барбары Клемент утверждает:

...женщины из всех слоев российского общества активно вовлекались в социальные и политические потрясения, сопровождавшие вхождение России в современный мир... и нестабильность, вызванная быстрыми социальными переменами, вызвала более сильное, чем раньше, противодействие патриархату [Clements et al. 1991: 8–9].

Также важно понять, что, хотя российский патриархат во многих отношениях напоминал западный, существовали значительные культурные различия в сексуальных обычаях и взглядах. Что особенно важно, как показывает Лаура Энгельстайн, русское общество не было пропитано чопорными викторианскими ценностями: «Викторианские представления о сексуальных приличиях и опасностях были поставлены под сомнение еще до того, как успели укорениться» [Engelstein 1992: 3–4]. В дореволюционной России не было и строгой нормированности семейной жизни. Она только начала проникать в высшие слои российского общества в конце XIX – начале XX века. Тем не менее она не укрепилась и не заняла господствующей позиции в русском мировоззрении, в отличие от западноевропейского, и оказала малое воздействие на низшие социальные слои, составлявшие подавляющее большинство населения России.

Образ сильной женщины

Другой важный фактор, обусловивший появление в России большого количества женщин-солдат: в русской культуре издавна господствовал образ сильной женщины. Восхищение сильной женщиной подтверждается множеством свидетельств. Как поясняет Вера Данэм, «русское понимание женственности примечательно тем, что в нем присутствует осязаемый мотив», который «превозносит сплоченность и силу женщин на разных исторических этапах и в различных классовых обстоятельствах» [Dunham 1960: 462]. Образ сильной женщины издревле пронизывал русский фольклор, о чем свидетельствует частое появление в нем «амазонской» темы. Былины и народные баллады восхваляют могучих «богатырок» и дев-воительниц, способных одерживать верх над мужчинами. Например, в одной былине Илью Муромца, величайшего русского эпического героя, побеждает собственная дочь. Историк Дороти Аткинсон указывает:

Народная литература сохранила целый ряд героинь-воительниц, так называемых *полениц* — вероятно, созданных по образцу амазонок. Некоторые из этих могучих героинь, представляющих собой ранние русские прототипы женщин в «черных кожаных тужурках», обладали огромной физической силой. Это однозначно положительные героини, но иногда сквозь восхищение ими проступает мужская тревога [Atkinson 1991: 9].

На протяжении всей русской истории крестьянские женщины ценились, в частности, за силу и выносливость. Молодой *мужик*, выбирая жену, среди желательных характеристик будущей супруги ставил физическую крепость и хорошее здоровье выше, чем красоту и женское обаяние. В русской культуре получил распространение образ сильной крестьянской женщины, «бой-бабы» — энергичной и мужеподобной. Эта «бой-баба» была положительной фигурой, ей приписывались практическая смекалка, сильная воля и изрядная доля отваги и даже хитрости. Она «не колеблясь, выполнит принятое решение, как бы оно ни было трудно» [Харламов 1880: 80–81].

Русская классическая литература также изобилует сильными, независимыми героинями, обладающими моральным превосходством, волей и способностью к действиям; они противопоставляются героям-мужчинам, зачастую нерешительным и слабым. Некоторые авторы использовали образы «сильных» женщин для того, чтобы на их фоне ярче выступила никчемность мужских персонажей, но, с другой стороны, как утверждает литературовед Барбара Хелдт, «благодаря недостаткам и слабостям некоторых героев-мужчин выявляются новые удивительные качества молодых русских героинь» [Heldt 1987: 12]. Образчики женской силы можно найти в таких персонажах, как Настасья Филипповна у Достоевского, Анна Каренина у Льва Толстого, Пелагея Ниловна у Максима Горького. Далее Хелдт отмечает, что «русские героини обычно воспринимаются как чудеса природы, существа, на которых зиждется не только их собственное будущее и будущее их семей, но и надежды всей России» [Ibid]. Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский, А. А. Блок воспринимают и изображают женщину как «животворящий источник национального спасения», по выражению Данем [Dunham 1960: 468].

То обстоятельство, что в России высоко ценили сильных женщин и что русские женщины пользовались определенными свободами и возможностями, несомненно, упростило некоторым из них путь в солдаты. Однако ограничения, касавшиеся женщин, все равно существовали. Даже сильную женщину сковывал патриархальный уклад русского общества. Свои положительные качества «бой-баба» могла проявить только в рамках семьи. Вне этих рамок она воспринималась как разрушительная сила, угрожающая традиционным социальным структурам и патриархату в целом. Женщина, стремившаяся к личной самостоятельности или раз-

витию, становилась отрицательной фигурой [Frierson 167–168]. Сильная женщина, какой ее изображала русская литература, чаще терпела страдания, а не совершала положительные и героические поступки [Dunham 1960: 468]. Сила и авторитет женщин почти не распространялись за пределы семейных забот, и хотя их влияние могло косвенно ощущаться через мужчин, которых они вырастили, лишь немногие сумели стать участницами политических или общественных событий. Гендерные границы по-прежнему оставались четко очерчены, и женщины исключались из многих сфер русской жизни. Одной из таких сфер, несомненно, являлись боевые действия.

Исторические прецеденты

Другим важным фактором, обусловившим высокую численность женщин-солдат в России во время Первой мировой войны, стало наличие исторических прецедентов, когда русские женщины принимали участие в боевых действиях. Женщина-солдат впервые появилась в России задолго до Первой мировой войны. В русской истории, фольклоре и устной традиции существуют многочисленные примеры участия женщин в войне и других вооруженных действиях. Первыми упоминаниями о женщинах на нынешней территории России стали известия об амазонках [Atkinson 1991: 3]. Недавние археологические раскопки в районе села Покровка на границе России и Казахстана представили важные доказательства существования женщин-воительниц, которые, возможно, послужили прототипами амазонок из греческих мифов. Археолог Жанин Дэвис-Кимболл обнаружила в неолитических курганах многочисленные тела женщин, похороненных с оружием; некоторые из них имели раны, указывавшие на гибель в бою, и это навело ее на предположение, что женщины-воительницы блуждали по степи еще две с половиной тысячи лет назад [Osborn 1998: 23].

Как утверждает Барбара Уокер, традиции древних воительниц не исчезли: «На бывших землях амазонок вокруг Черного моря женщины соблюдали определенные обычаи амазонок вплоть

до XVIII века: одевались в мужскую одежду, ездили верхом и сражались наравне с мужчинами» [Walker 1983:24–27]. Народное предание, отраженное в фильме С. М. Эйзенштейна «Александр Невский» (1938), изображает молодую псковитянку Василису, принимавшую участие в борьбе новгородцев против нашествия тевтонских рыцарей в XIII веке. Американский историк Джон Александер указывает на частое использование образов и костюмов амазонок в царствование Екатерины I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины II. Исследователь даже называет российских женщин-правительниц XVIII века «самодержицами-амазонками» [Alexander 2001: 33–54]. Российский исследователь Е. В. Анисимов выделяет два основных женских типа в новой российской истории: с одной стороны – женщина-воительница, амазонка, с другой – «женщина страдающая» [Анисимов 1992: 122]. Возможно, это упрощение, однако оно свидетельствует о могуществе мифа об амазонках и влиянии образа сильной женщины на русскую культуру. В 1787 году князь Г. А. Потемкин сформировал в Крыму «амазонскую роту» из местных дворянок. И хотя это подразделение выполняло сугубо декоративные функции и предназначалось для того, чтобы произвести впечатление на Екатерину Великую и путешествовавшего вместе с ней австрийского императора Иосифа II, личный состав «амазонской роты» был должным образом обмундирован и вооружен [Meyer 1987: 21].

Наряду с полулегендарными фигурами в анналах русской истории встречаются и вполне реальные женщины, участвовавшие в военных действиях. Российский военный историк Ю. Н. Иванова указывает, что русские женщины с древнейших времен вступали в войска, скрывая свой пол; для этого они одевались в мужскую одежду и назывались мужскими именами [Иванова 1992: 86]. Некоторые из ранних свидетельств о славянах описывают представительниц этой группы народов как воительниц и охотниц. Византийские историки сообщали, что славянки носят мужскую одежду и воюют наравне с мужчинами, и это подтверждается археологическими находками оружия в женских захоронениях [Davis-Kimball 1997: 40–41]. Такие женщины, как княгиня Ольга, занимались военными вопросами на самом высоком уровне.

Период Новой истории преподносит еще больше примеров женщин-воительниц. Помимо императриц, втягивавших свою страну в экспансионистские войны, многие женщины непосредственно участвовали в боевых действиях. При Екатерине Великой молодая донская казачка Татьяна Маркина сменила платье на солдатский мундир и под фамилией Курточкин поступила в пехотный полк в Новочеркасске. Энергичная и волевая, она быстро сумела

дослужиться до чина капитана. Ее блестящая военная карьера прервалась из-за доноса сослуживца, который уличил ее в том, что она женщина, и угрожал привлечь ее к суду за нарушение императорского закона, запрещавшего женщинам служить в армии. Она обратилась за заступничеством к императрице, которая потребовала медицинского освидетельствования. Курточкина-Маркина была амнистирована, однако на этом ее военная карьера закончилась. Ее отправили в отставку с пенсионом, и она вернулась в родную станицу [Иванова 1992: 87–88]. Другая женщина, Александра Тихомирова, служила в русской армии на рубеже XVIII–XIX веков. После смерти своего брата, гвардейского офицера, Тихомирова, внешне очень похожая на него, заменила его в качестве командира роты. Она прослужила почти пятнадцать лет, пока не погибла в 1807 году. Только тогда ее сослуживцы обнаружили, что она была женщиной [Там же: 88].

Во время наполеоновских войн многие крестьянки сражались в партизанских отрядах против французских захватчиков. Самой известной женщиной – участницей тогдашних событий является, безусловно, Надежда Дурова. Она стала первой в российской истории женщиной, которая получила офицерское звание, не скрывая свой пол. Проведя детство в мечтах о романтике и престиже военной службы, в 1806 году Дурова переделалась мужчиной и под фамилией Александров вступила в казачий полк. Она быстро овладела воинскими умениями, в том числе стрельбой и разведкой. С 1807 по 1812 год «кавалерист-девица» служила в различных подразделениях армии Александра I, в том числе Коннопольском уланском полку, Мариупольском гусарском полку, Литовском уланском полку. Во время службы выяснилось, что она женщина, однако ей разрешили остаться в армии. Дурова участвовала в ряде сражений и важных кампаний, и известия о ее заслугах вскоре достигли царя Александра I. Она удостоилась царской аудиенции, на которой попросила дозволения носить оружие и служить Отечеству. Царь разрешил ей остаться в действующей армии и наградил Георгиевским крестом за военную службу. Дурова участвовала в Бородинской битве, где получила травму ноги. После выздоровления она была произведена в штаб-ротмистры и прослужила до 1816 года, в том числе адъютантом у фельдмаршала М. И. Кутузова. Она вышла в отставку с пенсионом, умерла на восемьдесят третьем году жизни и была похоронена с воинскими почестями.

Дурова оставила воспоминания, в которых подробно описала свою жизнь; фрагменты из них впервые были напечатаны в журнале «Современник», с предисловием А. С. Пушкина². Ее история стала частью российской популярной культуры, послужив основой для многочисленных книг, оперы («Надежда Дурова» А. В. Богатырева) и фильма («Гусарская баллада» Э. А. Рязанова³). Дуровой посвящена популярная в свое время повесть Л. А. Чарской «Смелая жизнь». По утверждению историка и переводчика воспоминаний Дуровой Мэри Зирин, повесть Чарской «повлияла на целое поколение девушек, жаждущих приключений» [Zirin 1988: XXIX]. Эта повесть, а также биография Дуровой [Сакс 1912], были опубликованы незадолго до Первой мировой войны и, возможно, вдохновили молодых женщин на боевые подвиги. Историю Дуровой, хотя и поспешно, с многочисленными искажениями, вновь использовали советские руководители во время Второй мировой войны, стремясь привлечь женщин к военной службе⁴.

² Воспоминания Дуровой первоначально публиковались в журнале «Современник» (1836, № 2), а затем вышли под названием «Кавалерист-девица, происшествие в России» (хотя сама Дурова предполагала озаглавить воспоминания «Русская амазонка, известная под именем Александрова»). В советских изданиях книга называлась «Записки кавалерист-девицы». Существует два английских перевода: *The Cavalry Maiden: Journals of a Russian Officer in the Napoleonic Wars*, trans. Mary Zirin (Bloomington: Indiana University Press, 1988); *Cavalry Maid: The Memoirs of a Woman Soldier of 1812*, trans. J. Mersereau and D. Lapeza (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1988).

³ В основу сценария легла пьеса А. Гладкова «Давным-давно» (1941). Интересно, что сам Гладков в своих воспоминаниях отрицал, что прототипом Шурочки Азаровой послужила личность Надежды Дуровой. – *Прим. ред.*

⁴ Во время Второй мировой войны появились основанные на воспоминаниях Дуровой повесть «Камский найденыш» Л. Борисовой и М. Никольской, пьеса «Надежда Дурова» А. С. Кочеткова и К. А. Липскерова, а также краткая биография Дуро-

Участие женщин в боевых действиях вышло на новый уровень во время Крымской войны (1853–1856), когда женщины впервые начали служить сестрами милосердия как на фронте, так и в тылу. Конечно, женщин привлекали к медицинской работе во время войны еще с эпохи Петра Великого, однако их занятия сводились к обязанностям санитарок и обслуживающего персонала. По инициативе великой княгини Елены Павловны, невестки царя Николая I, и под надзором видного хирурга и педагога Н. И. Пирогова на протяжении всей Крымской войны на фронт отправлялись вспомогательные подразделения из сестер милосердия. Военные круги резко возражали против присутствия на театре военных действий женщин, пусть даже выполняющих такие сугубо женские обязанности, как уход за ранеными, однако сестры милосердия проявили себя столь безупречно, что склонили на свою сторону большинство недоброжелателей и создали прецедент, благодаря которому женщин стали задействовать в качестве медицинского персонала во всех последующих военных конфликтах [Curtiss 1966: 84-100].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.